

**Татьяна ГОРЯЧЕВА:
ЕФРЕМОВУ
ПОВЕЗЛО ДВАЖДЫ:
КОГДА ЕГО НЕ ВЗЯЛИ ВО МХАТ
И КОГДА ЕГО ТУДА НАЗНАЧИЛИ**

Год назад умер Олег Николаевич Ефремов. Актер, режиссер, целое понятие, эпоха нашего театра. Сегодня мы попросили вспомнить о нем не выдающихся артистов и драматургов, а Татьяну Александровну Горячеву. Почти десять лет она была его помощником, правой рукой, доверенным лицом. Сейчас работает помощником ректора Школы-студии МХАТ.

Век. к 148. - 2001 - 25 мая - с 12

— Татьяна Александровна, когда вы познакомились?

— Очень давно. А работать с Олегом Николаевичем я начала в 1978 году. Тогда я в ВТО занималась режиссерскими Лабораториями. На мне были Лаборатории Ефремова, Товстоногова, Плучека, Игоря Владимировича. К мастеру приезжали главные режиссеры периферийных театров, шел профессиональный разговор о спектаклях, о репертуаре и драматургии.

Первая же Лаборатория Олега Николаевича, в которой я участвовала, началась с реформы. Ефремов же всю жизнь занимался реформой театрального дела. Тогда, в 1978 году, не существовало института художественного руководства театра. Был директор — и был подчиненный ему главный режиссер. Это совершенно неправильно, потому что политику театра должен определять главный режиссер. И Олег Николаевич вместе с режиссерами-участниками Лаборатории сочинили письмо министру культуры о введении в России должности художественного руководителя. Когда в 80-м году Ефремов заново создавал у себя литературную часть, он пригласил руководить ею Анатолия

Мироновича Смялянского. А тот предложил взять и меня, что было сразу же поддержано. С тех пор я работаю в Художественном театре. Сначала — в литературной части. В здании на Тверском бульваре, еще до переезда в Камергерский, мы открывали Малую сцену, и я была ее редактором. Секретарем Олега Николаевича работала Ирина Григорьевна Егорова, совершенно потрясающая и очень болезненная Ефремову. В 90-м году болезнь привела ее к постели. Олег Николаевич предложил мне стать его помощником. И с 92-го года я работала в этой должности.

— Что это значило — быть помощником такого человека?

— Много значило. Я и секретарскую работу выполняла, и по литературной части, и с драматургами работала, и письма сочиняла, вела дела Ефремова, его переписку. Всего не перечислить.

— Какие совместные переживания оказались для вас самыми радостными и какие — самыми грустными?

— Самым радостным переживанием была работа над спектаклем «Перламутровая Зинаида». Он делался очень долго, еще с начала

80-х. Потом пьесу запретили. Мы вернулись к ней в 86-м году, насочиняли много-много разных вариантов. Самое активное участие в работе принимал Михаил Михайлович Рошин. Было радостно и интересно. Грустно, что критики эту постановку недооценили. На мой взгляд, «Перламутровая Зинаида» — один из лучших спектаклей Ефремова. Финал первого акта просто гениален.

Грустного было много в последние годы. Олег Николаевич был уже нездоров. Сложилась ситуация, в которой он напомнил мне Станиславского. Тот на закате жизни собрал своих артистов и сказал: «Клянитесь в верности Художественному театру!». Труппа его не поняла; кто-то перемигивался. Они поклялись, но отнеслись к этому с иронией.

— Какой Олег Николаевич видел дальнейшую судьбу МХАТа?

— Он многим в театре был недоволен, в том числе состоянием труппы. 19 мая, за пять дней до смерти, пригласил к себе Андрея Мягкова и Диму Брусникина и с ними обсуждал реформу труппы. Он считал, что на сцене Художественного театра должна идти

классика — наша русская, зарубежная и современная русская пьеса. (Два последних сезона ждал пьесу от Петрушевской). А более легкие западные пьесы — «Тартюф», «Амадей» — тоже должны быть, но на Малой сцене или в филиале.

— Сейчас МХАТ пошел по совершенно иному пути?

— Каждый художественный руководитель имеет право на свое видение и свою идею театра. Поэтому, естественно, театр станет другим. Как он стал другим, когда в него пришел Ефремов.

— На каких артистов и на какие спектакли Олег Николаевич возлагал свои надежды, думая о развитии театра?

— В драматургии — Чехов, Грибоедов, Пушкин. «Бориса Годунова» он собирался восстанавливать с Борей Щербаковым в роли Годунова, понимая, что сам уже не может выйти на сцену. Он считал, что нужен Тургенев, Островский. Артистов он вообще очень любил и надеялся на них. Особенно на свой последний курс, который студийной группой, новым поколением влился в Художественный театр.

— Говорят, когда Олега Николаевича назначили во МХАТ, он хотел одним приказом уволить сразу сто актеров...

— Это неоднозначная проблема. Когда он пришел во МХАТ, в труппе было больше ста пятидесяти человек, а с вокальной группой около двухсот. Ни один театр не может существовать с такой огромной труппой. А МХАТ вообще вел не очень правильную политику. Каждый год снимал сливки со Школы-студии, отбирал всех лучших выпускников, а они потом в театре погибали. Потому что при такой многочисленной труппе, посчитайте — сколько раз каждый актер имеет возможность выйти на сцену. А ему, особенно молодому, нужно играть, играть и играть! Я считаю, самому Олегу Николаевичу очень повезло, что после Школы-студии его не взяли во МХАТ. Он пошел в Центральный Детский театр, где в то время работали Мария Иосифовна Кнебель, Анатолий Васильевич Эфрос. И он в их спектаклях играл каждый день, и получил то, чего были лишены его однокурсники, вошедшие в труппу Художественного театра. Он был награжден полностью. Судьба оказалась к нему благосклонна. А сам Олег Николаевич не был таким уж чудовищем — «хотел уволить сто актеров»... Он предлагал реформировать труппу! Но ему не дали. Сказали, пусть эти актеры остаются в Художественном театре. И они остались. Многие из этих фамилий ничего никому не скажут, как и фамилии однокурсников Ефремова, которые сразу попали во МХАТ. Профессия актера — это жестокая профессия. Человек сам должен решать, может он каждый день выходить на сцену или не может. Если бы я, например, не выходила на сцену в течение года, я бы просто ушла из такого театра. И искала бы себе работу в другом месте. Поэтому я тут на стороне Ефремова. Его пугало количество актеров, которых он не может обеспечить работой. Между прочим, он каждому из них дал проявиться, каждый получил какую-то роль.

— А как Ефремов вел себя, когда из МХАТа в Камергерском уволяли его сына Михаила?

— Так он сам его и уволил. Миша был для него большая любовь и большая боль. Он очень одаренный человек, с добрым сердцем. Но слишком эмоционален и импульсивен, что хорошо на сцене и не всегда хорошо в жизни. А

как Олег Николаевич должен был поступить, когда Миша ударил человека? Он тогда весь заledenел и сказал: «Ефремова уволить. Немедленно». И его уволили.

— Для него вообще что-нибудь существовало в жизни, кроме театра?

— Театр был всем. При этом Олег Николаевич много читал: если вникал в какую-то проблему, то основательно, до конца. Существовали для него и музеи. Но больше всего он любил читать и репетировать. В последний год большой трагедией для него было то, что ему трудно стало читать — ухудшилось зрение.

— Как Ефремов относился ко МХАТу Дорониной?

— Нормально, как ко всякому другому театру. Наша критика совершенно неправильно описывает раздел Художественного театра. Ведь Олег Николаевич думал не о разделе. Он считал, что должно быть объединение «Художественный театр», куда входили бы два театра — сцена на Камергерском и сцена на Москвина плюс Школа-студия, музей МХАТа и театральные мастерские. Он много говорил об этом в 86-м и 87-м годах. Когда актеры стали спрашивать, кто пойдет в Камергерский, а кто — на Москвина (тогда МХАТ еще был единым), Олег Николаевич сказал: «Тот, кто согласен с контрактной системой, тот пойдет со мной в Камергерский, а кто хочет работать в чисто государственном театре — на Москвина». Он обсуждал, кто мог бы стать главным режиссером второго театра; звучали имена Гинкаса, Хейфица. А разделение на МХАТ «ефремовский» и МХАТ «дорониинский» произошло стихийно. Было открытое партийное собрание, на которое пригласили всю труппу. Началось что-то запредельное. Некоторые актеры стали не в очень красивой форме говорить об Олеге Николаевиче. Когда эмоции захлестнули выступающих, встал Олег Павлович Табаков: «Я прошу всех, кто не согласен с тем, что здесь сейчас происходит, выйти». И часть труппы вышла. И вся литературная часть вышла. Так мы переехали в Камергерский переулок. А оставшихся Татьяна Васильевна организовала в театр, который остался на Тверском бульваре.

— Олег Николаевич лично участвовал в актерских судьбах?

— И не только в актерских. Он вообще умел подставлять плечо в трудные минуты. Когда у Шнитке были проблемы с правительством, Олег Николаевич пригласил его писать музыку к спектаклю «Утиная охота». Когда Солженицын оказался в опале, Ефремов еще в «Современнике» ставил «Олеся и палашовку». Тот спектакль тогда, в 60-е, так и не выпустили. Но свой долг перед писателем Ефремов все-таки выполнил: в 90-е годы спектакль пошел во МХАТе. Когда тяжело заболел художник «Современника» Петр Кириллов, Олег Николаевич просил узнать, чем можно помочь. Когда Кама Гинкас остался без работы, Ефремов пригласил его в Художественный театр сначала на постановку, а потом и в штат. Когда Олег Николаевич узнал, что приехавший из Петербурга Витя Гвоздицкий живет где-то на Сходне и тратит уйму времени, чтобы добраться до театра, он тут же поставил перед дирекцией вопрос об обмене жилья. И таких примеров много.

— Что служило ему главным утешением в жизни?

— Главным и единственным — удачная репетиция, хороший спектакль.

Беседовала
Марина ШИМАДИНА